

Инклюзивное развитие в контексте глобальных революций

В современном мире глобальный приоритет во все большей степени «овладевает массами» в развитых и развивающихся странах. По мнению почетного председателя Организации поддержки глобальной цивилизации Чжан Шаохуа, «во времена племен интересы племени были выше всего. Во времена государств во главе были интересы государства. В эпоху межгосудар-

ственных отношений приоритетны интересы межгосударственных объединений. Согласно этой логике в современном мире интересы всего человечества должны превосходить какие-либо другие интересы. Но споры между людьми в сфере интересов не должны прекратиться» [1]. Глобальный приоритет уже составил основу новой парадигмы развития мира и национальных государств. Од-

нако подходы к этому феномену различаются самым существенным образом. ТНК и целый ряд передовых в экономико-технологическом отношении стран глобальный приоритет сводят к собственным интересам, по существу став международными экономическими и финансовыми империями. Погоня за прибылью превратилась в механизм жестокого грабежа национальных богатств разных регионов и государств мира. В условиях «глобализации по-американски» социальное неравенство и поляризация становятся все более очевидными.

В международных отношениях сформировались два полюса: очень богатые страны, постоянно наращивающие собственное преимущество, и так называемые государства-изгои, которые практически утратили перспективу выхода из заколдованного круга нищеты. Многие страны, относящиеся к периферии системы международных отношений, «попали в ловушки глобализации». Стремительно утрачивая национальную идентичность, они не получают взамен ни адекватного развития качественно новых производительных сил, ни наращивания национальной мощи в инновационном, технологическом, образовательном, научном и духовном отношении. В государствах усилилось расслоение наций, ведущее к серьезным социальным последствиям. Одним словом, даже при доминировании США и приклучивших к ним стран Западной Европы и Японии в мире расширяется понимание того, что глобальный приоритет должен отражать интересы всего человечества, а не немногочисленной группы развитых стран.

Что представляет собой инклюзивное развитие?

Концепция инклюзивного развития, думается, является весьма успешной попыткой осмысления глобального приоритета в качестве основы плодотворного и справедливости развития государств,

Бирюков Алексей Викторович — доцент Российского нового университета, кандидат исторических наук.

являющихся, несмотря на многочисленные различия, составляющими человеческой цивилизации на планете Земля. Этот подход к глобализации взяли на вооружение государства БРИКС, которые в Декларации своего последнего саммита в китайском городе Санья 14 апреля 2011 г. заявили, что «XXI век должен характеризоваться миром, гармонией, сотрудничеством и научно обоснованным развитием». Члены БРИКС зафиксировали важность укрепления партнерства в соответствии с принципами открытости, солидарности и взаимопомощи, а также развития сотрудничества инклюзивного характера.

Что характеризует инклюзивное развитие?

Прежде всего государство рассматривается в глобальном контексте, который играет важнейшую роль с точки зрения развития. В свое время, еще в период правления Дэн Сяопина, в Китае был принят на вооружение политический курс «открытость — значит развитие». Он был актуальным, поскольку при всех возможных издержках масштабного прихода в страну иностранного капитала вместе с ним поступали опыт организации современного бизнеса, относительно передовые технологии, уникальные квалификации, важные импульсы реформирования национальной системы высшего образования, банковской системы, формирования институциональной среды, необходимой для оптимального функционирования рыночной экономики [2].

Однако, обменивая в течение 20 лет рынок на технологии, элита Китая, быстро превратив страну в промышленный центр мирового значения, пришла к выводу, что открытости недостаточно. Источники иностранного капитала имеют собственные интересы, нередко несовместимые с национальными интересами страны-реципиента, которая не получала ожидаемые результаты. Отсю-

да был сделан вывод: в процессы глобализации научного и инновационного развития необходимо включаться на основе собственных идей и разработок, вырабатывать собственных лидеров на приоритетных направлениях; нужно изменить сложившийся потребительский стиль взаимоотношений с зарубежными университетами, научными центрами и ТНК. Поэтому уже в 2007 г. на XVII съезде КПК перед обществом была поставлена задача перехода к эндогенному инновационному развитию [3].

Глобальный приоритет должен отражать интересы всего человечества, а не немногочисленной группы развитых стран.

Другой важный вывод из китайского опыта заключался в том, что плоды глобализации должны приносить выгоду всем странам на основе принципа социальной справедливости, множить общественное достояние народов, повышать уровень и качество жизни людей. Инклюзивное развитие в этом смысле, признавая глобальный приоритет, призвано по возможности минимизировать негативные последствия неравномерности международного развития и содействовать движению государств по проторенной человечеством дороге прогресса, обеспечивая их равноправное участие в глобальных революциях, идет ли речь об академических или технологических переменах.

В центре инклюзивного развития стоит человек, поэтому приоритетными направлениями здесь являются все аспекты его жизни и деятельности, включая культуру, образование, здравоохранение, науку, трудоустройство, социальное обеспечение, творчество. В странах должны формироваться такие модели общественного развития, которые создавали бы социальную гармонию и стабильность, а экономический рост опи-

рался бы главным образом на научно-технический прогресс, неуклонно повышался бы культурный уровень трудящихся, а характер управленческой работы был бы действительно инновационным. Трансформация модели экономического развития, содействие оптимизации и модернизации экономической структуры, обеспечение согласованного развития экономических и социальных сфер — все это предъявляет более высокие требования к культурному и образовательному уровню трудящихся [4]. Можно сказать,

что в инклюзивном развитии политическая и гуманитарная модернизация по своей значимости равноценна экономической и технологической трансформации, поскольку самым важным компонентом развития выступают адекватные человеческие ресурсы — члены гражданского общества.

В этой связи образование является основой всего дела. Это обуславливает особенное внимание к вопросам образования: модернизировать его согласно требованиям формирования обучающегося общества, внедрять систему образования в течение всей жизни, обеспечивать доступность образования для представителей разных слоев общества, гарантировать законное право граждан на получение образования, воспитывать высококвалифицированных специалистов, растить выдающихся и творческих людей.

Все начинается с хорошего образования

В мире идет глобальная академическая революция, обусловленная потребностями общественного развития, нуждающегося в квалифицированном человеческом

капитале. Неуклонно возрастает значение знания, которое никогда не знало государственных границ и всегда рождалось в творческих муках. В развитых и быстро развивающихся странах неуклонно формируется экономика знаний и инноваций, а сам творческий процесс постепенно приобретает глобальный характер. Да, сейчас это происходит в условиях «глобализации по-американски», однако можно предположить, что его влияние на общественную жизнь изменится в позитивную сторону при постепенной трансформации глобализации с учетом корректно понятого глобального приоритета.

Источники иностранного капитала имеют собственные интересы, нередко несовместимые с национальными интересами страны-реципиента.

Явственно наблюдается процесс демократизации высшего образования. Количество студентов в мире возрастает лавинообразно за счет вовлечения в образовательный процесс все большего числа представителей тех социальных групп, которые в прежние времена практически не имели шансов получить высшее образование. Если в 2000 г. высшее образование получали 19% молодежи, то через семь лет эта цифра возросла до 26%. В 2007 г. в мире насчитывалось 151 млн студентов. Разумеется, приведенные данные являются среднеарифметическими. Число студентов колеблется от страны к стране. В США, например, еще в 1960 г. эта цифра составляла 40%, а сейчас зашкаливает за 70%. За США следуют западноевропейские страны, затем государства бывшего социалистического лагеря. Со значительным отрывом от них идут страны Латинской Америки и АТР. Совсем отстают государства Африки [5]. Другими словами, высшее образование подобно увеличительному стеклу фиксирует неравномерность доступа народов мира

к образованию как важнейшему общественному богатству.

Развитые страны рассматривают образование в качестве важнейшего геополитического инструмента влияния в современном мире. Они используют международную академическую мобильность в собственных интересах, привлекая талантливых молодых людей из развивающихся стран и предоставляя им возможность получить современное качественное образование, а затем трудоустроивая их в собственном инновационном народном хозяйстве. Другими словами, международная академическая мо-

бильность на современном этапе как бы канализирует «утечку мозгов». Вовсе не случайно ее основной поток, который движется с Востока на Запад и с Юга на Север, постоянно растет. В современном мире насчитывается 2,5 млн участников этого процесса, а к 2020 г. их число, как прогнозируется, составит от 7 до 8 млн человек [6]. Почему же развивающиеся страны, несмотря на очевидные риски, активно участвуют в академической мобильности? Видимо, элиты этих государств исходят из того, что международная академическая мобильность все-таки является способом наращивания потенциала, а «утечка мозгов» — явление преходящее. И действительно, сначала на Тайване, а затем и в ряде других стран стал наблюдаться феномен «возвращения в лоно родины» лиц, получивших образование и опыт практической или исследовательской работы на Западе. Когда развивающиеся страны стали в состоянии приглашать в высшую школу и на производства специалистов из развитых стран, на Западе заговорили о «циркуляции умов».

Еще один важный тренд глобальной академической революции связан с широким распространением транснационального образования, которое обеспечивает от 10 до 20% международной академической мобильности. Сущность этого феномена заключается в том, что страны — экспортеры образования, являющиеся серьезными игроками на международном рынке образовательных услуг и имеющие мощные образовательные системы, распространяют их действие на развивающиеся страны, минуя границы, с помощью ИКТ. Феномен транснационального образования обусловлен, таким образом, новым витком НТР и ростом числа потребителей образовательных услуг всех возрастов.

Став реальностью современного мира, этот тип образования вызывает споры относительно его содержания и качества, соответствия национальным интересам государств-реципиентов, а также возможности регулирования возникающих отношений с помощью международного частного права [7]. Особенности, вытекающие из названия, весьма привлекают развитые страны, особенно США и Великобританию, которые обладают преимуществом на глобальном информационно-кибернетическом поле. Они с особым вниманием относятся к развитию транснационального образования и приветствуют отсутствие национальных барьеров для его распространения.

В зеркале глобальных революций неравномерность развития стран проявляется в том, что развитые страны все дальше отрываются от развивающихся стран, занимают новые ниши в глобальной экономике (наногенетика, биоинформатика), недоступные пока догоняющему миру, и при этом сталкиваются с парадоксами. Массовый перенос в развивающиеся страны промышленных предприятий и производственных технологий на базе прямых иностран-

ных инвестиций привел к тому, что инженерное образование расцвело пышным цветом на Востоке и оказалось в глубоком кризисе на Западе. Оказалось, что переход от промышленного способа производства к постиндустриальной экономике является процессом не только постепенным, но и неоднозначным. Этот феномен осмыслен на Западе, принимаются меры подготовки специалистов, востребованных новой волной индустриализации в США и ЕС [8]. Однако факт остается фактом: в Китае и Индии, зоне АСЕАН, в ряде стран Ближнего Востока и Латинской Америки наблюдается настоящий бум инженерного образования. В частности, в КНР количество выпускников технических вузов уже давно превысило соответствующие показатели США, что, конечно, вызвало некоторое недовольство на берегах Потомака. Однако когда Китай объявил о наращивании отряда высококлассных специалистов до 180 млн человек к 2020 г., это вызвало самую серьезную озабоченность США, которые усматривают в подобном развитии ситуации фундаментальную предпосылку для утраты технологического доминирования в будущем [9].

Парадоксы глобального технологического трансфера и глобального инновационного процесса

Подобная реакция США указывает на то, что глобальная академическая революция идет бок о бок с глобальной технологической революцией [10]. Оба процесса взаимообусловлены и взаимозависимы и находятся в основе инклюзивного развития. Поскольку знания, порождаемые образованными людьми, овещаются в технологиях, нет ничего удивительного в том, что глобальный технологический трансфер¹ [11] с конца XX в. становится фундаментальным процессом развития человеческой цивилизации. Ко-

нечно, он используется развитыми странами для влияния в собственных интересах на государства, которые воспринимают чужие технологии. Однако опыт технологического трансфера развивающимися странами показывает, что, во-первых, даже для простой имитации и адаптации технологий к национальным условиям необходимы технологическая готовность и творческий подход. А во-вторых, рано или поздно, причем через довольно короткий промежуток времени, страна-реципиент сталкивается с необходимостью создания своей научной и технологической базы и соответствующего механизма, в рамках которого знания из научной сферы передаются бизнесу и материализуются. Иначе говоря, необходима национальная

модель развития технологического трансфера, которая позволяет реализовать инновационную (на базе кластеров базовых инноваций) модель развития [12].

В этой связи эндогенная технологическая основа, как представляется, должна иметь некоторый приоритет с точки зрения развития национальной конкурентоспособности. Речь идет о приоритете в принципе. Это означает, что к приоритету эндогенных технологий чаще всего приходят через глобальный технологический трансфер. Однако тот, кто такую задачу не ставит, в конечном счете становится полностью технологически зависимым [13]. Такой подход становится ответом на угрозу технологической и как следствие политической зависи-

мости государства в системе современных международных отношений.

В мире повсеместно пришло осознание того, что постоянная поддержка инноваций — залог успешного экономического и социально-политического развития. Совершенно очевидно, что ныне инновационный процесс не мог не стать глобальным. Поэтому мы живем в эпоху глобального инновационного процесса. Впервые задача построения глобального инновационного общества была озвучена в документе «Группы восьми» «Образование для инновационных обществ XXI века», который был принят на саммите в Санкт-Петербурге в 2006 г. В этом документе была поставлена задача «генерировать новые знания и стимулировать инновации для устойчивого развития в долгосрочной перспек-

тиве». Для этого необходимо создавать исследовательские сети с участием вузов, НИИ и бизнеса, пользоваться новейшими технологиями, содействовать глобальному распространению знаний и быстрому вводу технологий на рынок [14]. По существу речь идет о широком распространении сетевой экономики знаний, которая немыслима без глобального коллективного творчества, трансфера и использования высоких технологий, тесного взаимодействия бизнеса, науки и образования, а также выпуска уникальной наукоемкой продукции [15].

«Глобальный мозг» заточен на инновационный прорыв, вовлекая в него с помощью ИКТ талантливых и образованных специалистов по всему миру. При этом инновации приобретают глобальный, междисциплинарный и открытый характер, являясь результа-

том совместной творческой деятельности интеллектуалов разных национальностей, культур и вероисповеданий [16].

В процессе формирования глобального инновационного общества меняется модель мышления и принятия решений. Вместо поиска решения уже возникших проблем имеет место решение головоломок² [17], которые представляют собой крупномасштабные, разносторонние ситуации с запутанными условиями и путями развития. Их решение требует изобретательности, осторожных выводов и анализа, чтобы верно определить дальнейшие действия.

В соответствии с моделью национальной инновационной системы, разработанной ОЭСР, в ее центре располагается бизнес, ориентированный на инновации. Он погружен в среду, формируемую развитой наукой, целостной системой образования и грамотной политикой государства, стимулирующей инновационный процесс. Особое внимание уделяется росту количества и повышению качества инженерно-технического персонала, ученых и преподавателей. Причем это происходит в контексте улучшения управления в области исследований и инноваций, повышения культуры участников инновационного процесса, обеспечения независимой оценки результатов инновационного развития.

Степень инновационных возможностей государства измеряется целым рядом индексов, включая глобальный инновационный индекс и индекс знаний. В них ключевыми являются компоненты, связанные с качеством человеческого капитала (образование, подготовка и переподготовка кадров), информационной инфраструктурой, предпринимательством, ориентированным на знания, высоким уровнем технологий и сложными бизнес-процессами.

Глобальное информационное общество и глобальное кибернетическое поле боя

В конце XX в. стартовал процесс формирования глобального информационного общества, который базируется на повсеместном внедрении информационных технологий во все области общественной жизни. В условиях информационного общества успех развития в значительной степени определяется тем, воспользовалось ли то или иное государство плодами ИКТ революции. Впервые публично заявил о целесообразности проекта глобальной информационной инфраструктуры вице-президент США Альбер Гор. Через два года,

на «выравнивание игрового поля» в опоре на ИКТ оказались несостоятельными. Несправедливость имеет социально-экономическую, а не технологическую природу. В результате в связи с построением глобального информационного общества углубились противоречия между развитыми и развивающимися странами. Одновременно обострились противоречия вокруг Интернета, который по существу единолично контролируют США. Проблема интернационализации Всемирной паутины стала предметом серьезной дискуссии в мировом сообществе, носящей как технологический, так и политический характер. Парадокс ситуации заключается в том, что США, по сути инициировавшие масштабные

неоднократно оставались в «гордом одиночестве» на заседаниях ГА ООН и международных конференциях на высшем уровне. Однако по мере того, как в США осознается собственная кибернетическая уязвимость, американский подход к МИБ, как представляется, может измениться. По мнению американских экспертов, Соединенные Штаты станут обсуждать основы кибернетического мира и недопущения превращения виртуального пространства в кибернетическое поле боя [19].

Экологический императив

Следует подчеркнуть, что все глобальные революции в конечном итоге нацелены на экологический императив. Потому что развитие, приводящее к загрязнению воздуха, воды и земли, ведет к деградации природной окружающей среды, в которой общественная жизнь практически невозможна. Причем охрана природы не имеет государственных границ и является планетарной миссией. В этой связи весьма актуальной становится задача проведения сильной и эффективной национальной экологической политики, которая является «катализатором модернизации производства, повышения энергетической эффективности, стимулом к внедрению современных экологически чистых технологий» [20].

В условиях «глобализации по-американски» развитые страны устраняют препятствия, обусловленные суверенитетом, на пути свободного движения товаров, услуг, капиталов, технологий и людей. Они, например, пытаются свести к минимуму значение государственных границ, таможенных барьеров и других процедур, влияющих на такое перемещение. Вместе с тем очевидно, что развитые страны действуют, исходя из собственных интересов, поэтому препятствия устраняются выборочно. Возводятся новые барьеры для того, чтобы фильтровать потоки товаров, услуг, капита-

Высшее образование подобно увеличительному стеклу фиксирует неравномерность доступа народов мира к образованию как важнейшему общественному богатству.

в 1996 г., в ЮАР состоялась международная межправительственная конференция «Информационное общество и развитие». Лидерство в этом деле принадлежало «Группе восьми», которая на Окинаве в 2000 г. приняла Хартию глобального информационного общества. Именно развитые страны первыми осознали неизбежность этого феномена и приступили к организации работы по его воплощению в жизнь. Весьма характерно, что вступление в третье тысячелетие ознаменовалось историческим документом, провозгласившим в качестве главных задач равную доступность ИКТ для людей во всем мире и сокращение «цифрового разрыва».

В первые десять лет XXI в. активно заработал механизм всемирных встреч на высшем уровне по вопросам информационного общества. Однако проблема «цифрового разрыва» усугубилась и, более того, высказывавшиеся надежды

ИКТ преобразования и породившие Интернет, оказались в одиночестве, когда международное сообщество потребовало его интернационализации.

Аналогичная ситуация складывается и вокруг международной информационной безопасности (МИБ). Нарастив колоссальное информационно-кибернетическое преимущество, США пытаются трансформировать лидерство в абсолютное доминирование на глобальном информационно-кибернетическом поле. В этой связи все разговоры о МИБ в течение первых десяти лет XXI в. они пыгались свести к терроризму и международной преступности [18]. Как будто в виртуальном пространстве действует только одна негативная сила — хакеры и, следовательно, обеспечение МИБ — вопрос не политический. С такой позицией не согласно абсолютное большинство государств мира — США

лов, технологий и людей. Причем это делается, как правило, весьма грамотно и тонко. В частности, повсеместное распространение получают интерпретации невозможности сохранить секреты и защитить интеллектуальную собственность в глобальном масштабе. Здесь сетуют на нарушение правил технологического обмена, интеллектуальное пиратство и промышленный шпионаж, на нелегальное ведение торговли оружием, на невозможность оптимальным образом регулировать иммиграционный процесс. Как будто весь негатив исходит только из стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран, хотя фактов, свидетельствующих о том, что перечисленные явления нередко берут начало в развитых странах, имеется достаточно. Совсем не случайно в развивающихся странах чрезвычайно популярен тезис об исторической вине государств, бывших в свое время колониальными державами и проводивших политику бесцеремонного и наглого ограбления стран периферии, да и неокOLONиализм попросту стимулирует неэквивалентность обмена. Поэтому во многих проблемах современности, включая перечисленные выше, существенная доля вины приходится на сами развитые страны.

Например, глобальная экологическая ситуация, которая с каждым годом все более обостряется, причем страдают граждане прежде всего наиболее бедных государств, не смогла снять проблему противоречий между развитыми и развивающимися странами. Механизм чистого развития, предусматривающий, в частности, передачу от первых ко вторым ресурсосберегающих и экологически чистых технологий, видимо, пока не справляется с решением этой сложной и масштабной задачи [21]. Ведь вовсе не случайно Форум ООН по изменению климата, который прошел в Копенгагене в декабре 2009 г., завершился полным провалом [22].

Если посмотреть на передачу лицензий на производство лекарств развивающимися странами, то фармакологические ТНК, ориентированные на максимизацию прибыли, вовсе не спешат снижать цены на лекарства или недешевую интеллектуальную собственность. В то же время значительное число бедных стран, которые больше всего нуждаются в лекарствах, не располагают финансовыми ресурсами, чтобы покупать лекарства в нужном объеме и, к сожалению, не готовы производить их само-

«Глобальный мозг» заточен под инновационный прорыв, вовлекая в него с помощью ИКТ талантливых и образованных специалистов по всему миру.

стоятельно. Сложившуюся ситуацию в Индии квалифицируют как аморальный протекционизм, приравняемый к терроризму [23].

Таким образом, все глобальные революции начали интенсивно развиваться в условиях «глобализации по-американски» и поэтому несут в себе черты, обусловленные этим масштабным процессом. С одной стороны, несмотря на «спасительные технологии», которые по идее призваны помочь преодолеть разрыв в развитии, пропасть между передовыми и отстающими странами расширяется и углубляется. Немалое число государств остается на обочине научно-технического прогресса. С другой стороны, нельзя не отметить, что противодействие социальной несправедливости способствовало «выравниванию игрового поля» в политической и экономической областях [24]. Упомянутые революции помогли целому ряду периферийных государств «нарастить мышцу и крепко встать на ноги». К сожалению, многие из них не развивают сложный бизнес, научный потенциал и инновационную перспективу, оставаясь в некоем «замороженном состоянии», что по существу гарантирует им неиз-

бежное отставание. Вместе с тем появились также быстро развивающиеся догоняющие страны, которые успешно реализуют весьма интересные и перспективные модели догоняющего развития [25].

На наш взгляд, в современном мире постепенно складываются предпосылки для внесения коррективов в глобализацию на основе корректно понятого глобального приоритета и потребностей инклюзивного развития большинства стран мира. Хотелось бы

надеяться, что становление такой глобализации будет происходить в рамках развивающихся глобальных процессов, гармонично и без столкновений, путем диалога всех участников под эгидой ООН и других авторитетных международных организаций. ■

ПЭС 11137/27.09.2011

Примечания

1. Глобальный технологический трансфер обозначает международный процесс, когда одна страна (или один из ее хозяйствующих субъектов) использует рожденные в другой стране научные знания и новые научные открытия, экспертные знания и опыт через процедуры правового оформления прав интеллектуальной собственности и коммерциализации. Подробнее см. [11].

2. В английском языке это звучит достаточно элегантно: от *problem solving* к *puzzle solving*.

Литература

1. Пэн Минкуан. Глобальный приоритет // ФОРУМ-2011: Проблемы модернизации в цивилизационном контексте. М., 2011. С. 213.

2. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. С. 310.

3. Иванова Н.И. Инновационная динамика мировой экономики. В сб. «Инновационное развитие: международное развитие и стратегия России». — М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 21.

4. Ху Цзиньтао. Углубление обменов и сотрудничества, достижение инклюзивного развития. Доклад на 5-м министерском заседании АТЭС по вопросу развития человеческих ресурсов, 16 сентября 2010 г.

5. Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. A Report prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education, 2009. P. vi–vii.

6. Там же. P. viii.

7. The Recognition, Treatment, Experience and Implications of Transnational Education in Central Europe 2002-2003, Report undertaken by Stephen Adam for the Hogskolovet, Swedish National Agency for Higher Education. 2003, UK.

8. Медовников Д., Оганисян Т., Розмирович С. Главные люди в стране // Эксперт. 2011. № 15 (749) (18–24 апреля). С. 68–73.

9. The Straits Times (Singapore), 2010, September 26.

10. The Global Technology Revolution. 2020. Bio/Nano/Material/Information Trends, Barriers and Social Implications. 2006.

11. Инновационные направления современных международных отношений. Учеб. Пособие / Под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 49–66.

12. Яковец Ю.В. Волны Кондратьева и циклическая динамика экономики и войн: теория и будущее // Экономические стратегии. 2005. № 3. С. 6–11.

13. Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития/ М.: Наука, 2006.

14. Образование для инновационных обществ XXI века. www.civilg8.ru.6853.php.

15. Овчинников В.В. Дискуссия по теме «Преобразование и модернизация» в рамках X Глобального стратегического форума // Экономические стратегии. 2011. № 4 (90). С. 63.

16. Satish Nambisan, Mohanbir Sawhney. The Global Brain. 2008 by Pearson Education, Inc. Wharton School Publishing.

17. Дэвид Л. Рейни. Долгосрочные направления развития сферы глобальных инноваций. В сб. «Инновационное развитие: международный опыт и стратегия развития». М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 30–53.

18. Крутских А.В. Продвижение российской инициативы по обеспечению международной информационной безопасности (летопись десятилетия). В сб. «Международная информационная безопасность: дипломатия мира». М., 2009. С. 155–156.

19. Richard A. Clarke. Cyber War. The Next Threat to National Security and What to Do about It. An Imprint of HarperCollins Publishers, 2010.

20. Медведев Д.А. Из выступления на Бюаском инвестиционном форуме «Инклюзивное развитие: общая повестка дня и новые вызовы», 15 июля 2011 г.

21. Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2007.

22. Целиков В.Н. Почему не подписано новое климатическое соглашение. Анализ результатов Конференции ООН по глобальному потеплению в Копенгагене и оценка перспектив // Холодильная техника. 2010. № 1. С. 23–25.

23. БРИК — политическая реальность посткризисного мира? Новые возможности для России: Аналитический доклад. Выпуск 1 (24). М.: Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России, 2010. С. 35.

24. Доклад о мировом развитии — 2006. Справедливость и развитие. Всемирный банк / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2006.

25. Бирюков А.В. Феномен ускоренного развития государства в современной системе международных отношений. В сб. ст. «Инновационное развитие: международный опыт и стратегия России». М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 54–62.